

DOI 10.35775/PSI.2025.129.12.031

УДК 32.327

Р.Р. АНТОНОВ

аспирант, Казанский (Приволжский)

Федеральный Университет,

Россия, г. Казань

E-mail: renatradan@gmail.com

РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРЕ ФУМИО КИСИДА

Статья посвящена анализу изменений двустороннего сотрудничества России и Японии в условиях углубления международного политического кризиса и изменения приоритетов японской внешней политики. Актуальность исследования обусловлена резким ухудшением политического диалога и пересмотром подходов Японии к России на фоне СВО на Украине и консолидации Японии с партнерами по G7. Целью работы является выявление характера и последствий изменений японского курса в отношении России и определение степени их институционального закрепления в официальных документах и политике. В задачи исследования входил анализ развития политических контактов, санкционных мер, экономико-энергетического сотрудничества и гуманитарных механизмов. Методологическую основу составили анализ программных речей и стратегических документов, сопоставление данных дипломатических ежегодников, статистики внешней торговли и дискурсивный подход к изучению официальных формулировок. Полученные результаты показывают, что японская политика сместилась от ориентации на поддержание стабильных отношений к модели жесткого сдерживания России, при сохранении ограниченных форм сотрудничества, прежде всего в сфере энергетики, продиктованных соображениями экономической и энергетической безопасности. Сделан вывод о том, что сформированная в рассматриваемый период модель получила закрепление в институциональной структуре японской внешней политики и существенно ограничивает возможности ее пересмотра в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: российско-японские отношения, Фумио Кисида, внешняя политика Японии, санкционная политика, энергетическое сотрудничество.

Первые месяцы пребывания Фумио Кисида на посту премьер-министра пришлись на период, в который японская дипломатия еще опиралась на инерцию курса предыдущих кабинетов. В программной речи в декабре 2021 г. Кисида заявил о намерении «решить территориальную проблему и заключить мирный договор», связав нормализацию отношений с урегулированием послевоенного наследия и обозначив Россию среди главных соседей, с которыми Япония стремится к выстраиванию стабильных отношений [11]. Diplomatic Bluebook 2021 фиксировал намерение японского правительства развивать всю совокупность политических, экономических и гуманитарных контактов, продолжая переговоры

по мирному договору на основе Совместной декларации 1956 г. и поддерживая гуманитарные программы. Среди них выделялись свободные поездки бывших жителей «северных территорий», визиты на могилы, молодежные и региональные обмены. В обзоре отмечалось, что регулярные телефонные контакты на уровне лидеров и министров иностранных дел должны поддерживать переговорный процесс по мирному договору, а совместная деятельность на островах, включая проекты по аквакультуре и туризму, рассматривалась в качестве инструмента улучшения отношений [3].

Резкое изменение политического диалога наступило в начале 2022 г. В программной речи Фумио Кисиды в парламенте в январе 2022 г. внимание уделялось подготовке к «самым серьезным угрозам безопасности за послевоенный период», а Россия упоминалась как фактор угрозы, актуализирующий необходимость укрепления возможностей самообороны и координации с США и европейскими партнерами [10]. 17 февраля, за несколько дней до начала специальной военной операции на Украине, Кисида во время телефонного разговора с В.В. Путиным выразил серьезную озабоченность ситуацией и призвал добиваться урегулирования средствами дипломатии, опираясь на принципы суверенитета и территориальной целостности [4]. Уже 24-25 февраля кабинет объявил о первых санкциях. К ним относилась заморозка активов ряда российских должностных лиц и банков, ограничения на экспорт высокотехнологичной продукции и товаров двойного назначения, приостановка выдачи виз и ужесточение контроля за финансовыми операциями [13]. В исследовании К.Р. Воды отмечается, что санкционный пакет 2022 г. заметно превосходил меры 2014 г. по охвату и жесткости. В нем были затронуты политические, экономические и гуманитарные аспекты сотрудничества, что перевело двусторонние связи в состояние острого кризиса. Кисида на пресс-конференции 25 февраля охарактеризовал действия России формулировкой «подрыв основы международного порядка» и связал ответные шаги с необходимостью «сохранить единство с США и европейскими союзниками», допустив дальнейшее ужесточение санкций в случае продолжения операции [1. С. 6].

В ответ Россия в марте 2022 г. объявила о прекращении переговоров по мирному договору и о приостановке программы свободных поездок, обменов между четырьмя островами и диалога по совместной хозяйственной деятельности, связав данное решение с «недружественными шагами» Японии. Diplomatic Bluebook 2023 показывает, что японское правительство рассматривает односторонний отказ России от переговоров и гуманитарных механизмов результатом ее действий на Украине и характеризует попытку переложить ответственность на японскую сторону формулой «чрезвычайной несправедливости» [4].

Как результат, политический диалог практически сошел на нет. Diplomatic Bluebook 2023 описывает ситуацию через мотив «трудных отношений». Япония продолжает курс на «жесткие санкции» и тесную координацию с партнерами по G7, а контакты с Россией сводятся к необходимому минимуму. В документах отмечается, что при сохраняющейся цели заключения мирного договора правительство Японии не видит условий для обсуждения перспектив переговоров до прекращения боевых действий и вывода российских войск с территории

Украины. В то же время одним из приоритетов объявляется возможное возобновление в будущем визитов бывших жителей «северных территорий» на кладбища. На практике политическое общение ограничивается эпизодическими консульскими и дипломатическими контактами. Среди них — координация передачи тел погибших пассажиров судна KAZU I, обмен протестами по поводу высылки дипломатов и объявлений персон нон грата и обсуждением рыболовных соглашений в районах южных Курил [15. С. 195].

Как можно видеть из Diplomatic Bluebook 2022 и 2023 гг., Япония при премьерстве Фумио Кисиды трактует СВО как угрозу существующему международному порядку и отмечает, что «агрессия России против Украины» воздействует на энергетическую, продовольственную и ядерную безопасность Европы и мира [4]. В новой Стратегии национальной безопасности Японии, утвержденной в декабре 2022 г., Россия описывается формулировкой «серьезная проблема безопасности» и связывается с нарушением принципов Устава ООН, и расширением военной деятельности вблизи Японии, включая Дальний Восток и Арктику [9]. При всем этом документ разделяет отношение к России на два направления. В европейском Россия предстает в качестве непосредственного источника угрозы стабильности евроатлантического пространства, в Индо-Тихоокеанском – в виде военного и политического фактора, усиливающего неопределенность через углубление связей с Китаем и расширение деятельности в северной части Тихого океана. Анализ российского и японского дискурса говорит о том, что новая концепция национальной безопасности показывает отход от прежней модели, в которой допускались сценарии ограниченного партнерства с Россией, и переводит ее в категорию государств, создающих долгосрочную угрозу национальной безопасности Японии [2. С. 9].

В программной речи в январе 2023 г. Фумио Кисида описал конфликт на Украине как «испытание порядка, основанного на правилах», а также выразил обеспокоенность по поводу риска повторения схожих сценариев в Восточной Азии, связав украинский кризис с ситуацией вокруг Тайваня, Корейского полуострова и северо-востока Азии [12]. Diplomatic Bluebook 2023 и 2024 гг. помещают Россию в раздел «Россия и Беларусь, Центральная Азия и Кавказ». Отдельно выделяется важность координации с НАТО и ЕС, расширение диалога Японии с европейскими государствами по санкциям, оборонному сотрудничеству и влияние российско-китайского и российско-северокорейского сближения на вопросы сдерживания в Индо-Тихоокеанском регионе. Отсюда видно, что Россия оказывается встроенной в европейское и Индо-Тихоокеанское направление японской внешней политики. Несмотря на это, даже при жестких формулировках Стратегии национальной безопасности и Дипломатических ежегодников документы сохраняют формальное упоминание долгосрочной цели заключения мирного договора и заинтересованности в предсказуемых отношениях с Россией [16. С. 6].

Экономико-энергетическое направление двусторонних отношений при кабинете Фумио Кисида строилось на уже сложившейся зависимости взаимной торговли от сырьевого сектора, прежде всего, от углеводородов. В начале 2020-х годов Россия входила в число важных поставщиков нефти, СПГ и угля

на японский рынок. Исследование М. Мотомура показывает, что после запуска сахалинских проектов и ввода в эксплуатацию нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» доля российской нефти приблизилась к 10% в структуре японского импорта, а участие японских компаний в добыче и транспортировке сырья рассматривалось в качестве инструмента укрепления долгосрочных позиций на северо-тихоокеанском направлении [17. С. 35]. Diplomatic Bluebook 2021 и 2022 гг. показывают важность энергетического сотрудничества в двусторонних отношениях. Развитие торговли, инвестиционные проекты и поставки углеводородов упоминались среди приоритетных сфер, в которых проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2» занимают центральное место. Правительство Кисида опиралось на участие частного капитала и государственных структур. Консорциум SODECO сохранял долю в «Сахалине-1», а корпорации Mitsui и Mitsubishi – в «Сахалине-2» [7].

После начала специальной военной операции на Украине в 2022 г. экономико-энергетическое направление оказалось под воздействием санкционной политики. Япония присоединилась к коллективным мерам стран G7. Были введены: заморозка активов ряда российских банков и компаний, ограничения на экспорт высокотехнологичной продукции, контролируемых товаров двойного назначения, современного оборудования для нефтегазовой отрасли. Помимо этого, был объявлен поэтапный отказ от импорта угля и части видов нефти. Япония подключилась к механизму «потолка цен» на российскую нефть, но добилась исключений для отдельных поставок, что заметно в случае продукции сахалинских проектов. По данным Diplomatic Bluebook 2023, общий объем торговли в 2022 г. увеличился на 6,2% за счет роста цен на энергоресурсы, экспорт из Японии в Россию сократился, а импорт из России вырос. В 2023 г. ситуация изменилась. Diplomatic Bluebook 2024 показывает падение двусторонней торговли на 44,3% по сравнению с предыдущим годом. Импорт из России уменьшился на 47,2%, в первую очередь, за счет сокращения поставок нефти и угля, экспорт из Японии снизился на 34,5% [5].

На фоне общего сокращения торговли и инвестиций энергетические проекты на Сахалине стали исключением, которое японское руководство обосновывает через критерии энергетической безопасности и защиты интересов домохозяйств и бизнеса. Материалы Министерства экономики, торговли и промышленности Японии указывают, что «Сахалин-2» обеспечивает около 9,5% импорта СПГ и около 3% выработки электроэнергии в стране. Прекращение поставок способно вызвать заметные перебои в снабжении и рост цен для потребителей. После реорганизации проекта и создания российской компании-правопреемника японские акционеры Mitsui и Mitsubishi получили разрешение сохранить доли 12,5% и 10%, а поставки СПГ для японских энергокомпаний были переведены в контракты с новым оператором. В «Сахалине-1» японский консорциум SODECO сохранил долю 30% в новой структуре владения, несмотря на временную остановку экспорта нефти, что показывает интерес Японии к сохранению отношений на средне- и долгосрочную перспективу. Россия остается важным источником углеводородов для Японии, тогда как японское участие в проектах

поддерживает доступ к ресурсам и технологическую вовлеченность в освоение арктических и дальневосточных месторождений [8. С. 68].

Завершение периода Фумио Кисида на посту премьер-министра совпало с ситуацией, в которой базовые параметры курса Японии в отношении России уже были закреплены в стратегических документах и ежегодных обзорах внешней политики. Принятая в декабре 2022 г. Стратегия национальной безопасности Японии, зафиксировала Россию среди государств, представляющих «серьезную проблему безопасности», и связала ее с ухудшением военной обстановки вокруг Японии. Анализ новой стратегии, проведенный Д.В. Стрельцовым, показывает, что в отличие от редакции 2013 г., в которой допускалось партнерство с Россией, документ 2022 г. переносит Россию в группу угроз национальной безопасности, рядом с Китаем и КНДР [2. С. 13].

Институциональное наследие периода Кисида в отношении России проявляется в том, что оценки страны закреплены сразу в нескольких уровнях документов, что ограничивает пространство маневра для последующих кабинетов. Стратегия национальной безопасности и программа по наращиванию оборонного потенциала рассматривают Россию в качестве геополитического противника. Все это уменьшает вероятность быстрого отхода от жесткой позиции в отношении России [16. С. 4].

Первое программное выступление премьер-министра Сигэру Исибы в ноябре 2024 г. подтвердило приверженность трем документам в сфере безопасности и ориентацию на выполнение целевого показателя оборонных расходов, обоснованного ростом рисков со стороны России, Китая и КНДР. В видеообращении к участникам «Национального митинга за возвращение северных территорий» в феврале 2025 г. Исиба повторил формулу о «сложной ситуации» в отношении с Россией, связывая ее с конфликтом на Украине, и одновременно заверил, что правительство продолжит политику, направленную на решение проблемы принадлежности четырех островов и заключение мирного договора [14. С. 1287]. Diplomatic Bluebook 2025, подготовленный уже при новом кабинете, показывает, что Россия по-прежнему рассматривается Японией через необходимость поддержки санкций и сокращения энергетической зависимости. Сохраняются лишь некоторые формы сотрудничества, включая рыболовные соглашения и работу по гуманитарным вопросам [6].

В заключении хотелось бы отметить, что российско-японские отношения при Фумио Кисида прошли через последовательное ужесточение политики Японии к России и сведение двусторонних контактов к минимально необходимым форматам. В начале его пребывания в должности сохранялась ориентация на стабильные отношения и продолжение диалога по послевоенному урегулированию, но после начала СВО курс был перестроен на санкционное давление с партнерами по G7, сокращение экономических связей и фиксацию России в стратегических документах в качестве фактора, осложняющего европейскую и восточноазиатскую безопасность. Программные речи Кисида, Дипломатические ежегодники и Стратегия национальной безопасности закрепили трактовку России и ее действий через формулировки «серьезная проблема безопасности» и «сложная ситуация» в политическом плане. Несмотря

на это, сохранялось упоминание долгосрочной цели заключения мирного договора и поддержки ограниченных гуманитарных и консульских механизмов. Экономическая часть отношений сузилась до сохранения участия в сахалинских энергетических проектах, которые японское руководство связывало с задачами энергетической безопасности и стабильности поставок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Вода К.Р.** Кризис в российско-японских отношениях в 2022 году // Азия и Африка сегодня. 2023. № 1.
2. **Стрельцов Д.В.** О новой концепции национальной безопасности Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2.
3. Diplomatic Bluebook 2021. 1 Russia // Ministry of Foreign Affairs of Japan. // https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2021/en_html/chapter2/c020601.html
4. Diplomatic Bluebook 2023. 2 Russia and Belarus // Ministry of Foreign Affairs of Japan. // https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2023/en_html/chapter2/c020602.html
5. Diplomatic Bluebook 2024. Chapter 2. Section 6. Russia, Central Asia and Caucasus. 2 Russia and Belarus, Central Asia and Caucasus // Ministry of Foreign Affairs of Japan. // https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2024/en_html/chapter2/c020602.html
6. Diplomatic Bluebook 2025. Chapter 2. Section 6. Russia and Belarus, Central Asia and the Caucasus // Ministry of Foreign Affairs of Japan. // https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2025/en_html/chapter2/c020602.html
7. Japan's energy security and Russia-related measures // Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. // https://www.meti.go.jp/shingikai/enecho/shigen_nenryo/pdf/036_03_00.pdf
8. **Motomura M.** Japan's need for Russian oil and gas: A shift in energy flows to the Far East // Energy Policy. 2014. Vol. 74.
9. National Security Strategy of Japan. December 2022 // Cabinet Secretariat. // <https://www.cas.go.jp/jp/siryoku/221216anzenhoshou/nss-en.pdf>
10. Policy Speech by Prime Minister KISHIDA Fumio to the 208th Session of the Diet, 17 January 2022 // Prime Minister of Japan and His Cabinet. // https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/statement/202201/_00009.html
11. Policy Speech by Prime Minister Kishida to the 207th Session of the Diet, 6 December 2021 // Prime Minister of Japan and His Cabinet // https://www.kantei.go.jp/jp/101_kishida/statement/2021/1206shoshinhyomei.html
12. Policy Speech by Prime Minister KISHIDA Fumio to the 211th Session of the Diet, 23 January 2023 // Prime Minister of Japan and His Cabinet. // https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/statement/202301/_00012.html
13. Sanction Measures following the Launch of Military Actions by Russia in Ukraine // Ministry of Foreign Affairs of Japan. // https://www.mofa.go.jp/press/release/press6e_000371.html

14. Singh B. Front-line guardian of the status quo: Japan under the Kishida government // International Affairs. 2024. Vol. 100. № 3.
15. Suhito W.D., Wicaksana I.P. Combinative Hedging: Japan and Russia in the East Asian Order // Journal of Asian Security and International Affairs. 2024. Vol. 11. № 2.
16. 浅田正彦 [Асада М.]. 国際法から新国家安全保障戦略を読み解く [Интерпретация новой стратегии национальной безопасности с точки зрения международного права] // 国際問題 [Международные вопросы]. 2023. № 716.
17. 島山京子 [Хатакэяма К.]. ミラー枝里香 [Миллер Э.]. 日本のエネルギー安全保障 —国際構造と相互依存の視点から— [Энергетическая безопасность Японии: международная структура и взаимозависимость] // 国際安全保障 [Международная безопасность]. 2023. Vol. 50. № 4.

R.R. ANTONOV

Postgraduate, Kazan (Volga Region)

Federal University,

Kazan, Russia

RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS UNDER PRIME MINISTER FUMIO KISHIDA

The article analyzes the transformation of bilateral cooperation between Russia and Japan against the backdrop of a deepening international political crisis and shifts in Japan's foreign policy priorities. The relevance of the study is driven by the sharp deterioration in political dialogue and Japan's reassessment of its approaches toward Russia following the full-scale invasion of Ukraine and its consolidation with G7 partners. The aim of the work is to identify the nature and consequences of changes in Japan's policy toward Russia and to determine the degree of their institutional consolidation in official documents and policy. The research tasks included analyzing the evolution of political contacts, sanctions measures, economic and energy cooperation, and humanitarian mechanisms. The methodological framework is based on the analysis of policy speeches and strategic documents, comparative study of data from diplomatic yearbooks and foreign trade statistics, and a discursive approach to examining official rhetoric. The obtained results demonstrate that Japanese policy has shifted from focusing on maintaining stable relations to a model of strict containment of Russia, while preserving limited forms of cooperation, primarily in the energy sector, dictated by economic and energy security considerations. It is concluded that the model formed during the period under review has become entrenched within the institutional structure of Japan's foreign policy and significantly limits the possibility of its revision in the short term.

Key words: Russian-Japanese relations, Fumio Kishida, Japanese foreign policy, sanctions policy, energy cooperation.